

Ли Эр-нян только поставила полученные продукты на стол, как в доме тут же поднялся шум — дети, завидев мясо, облепили её со всех сторон, прыгая и хором требуя поесть.

— Подождите вы, — прикрикнула она, — остывает, на вечер разогрею, тогда и поедите!

Ребятня радостно запрыгала ещё громче, шум поднялся такой, что даже старая мать семейства вышла из внутренней комнаты.

— Что тут за гвалт? Из-за чего малые орут, как на пожаре? — нахмурилась она.

Ли Эр-нян, всегда побаивавшаяся свекрови, тут же испуганно подалась вперёд и проговорила:

— Это фулан мясника Сюна пришёл, поменяться на мясо — я вот муки с яйцами дала, сейчас отнесу ему обратно.

Старуха бросила взгляд на очаг — и тут же увидела две полные тарелки мяса. Её лицо мгновенно вытянулось, и она вспыхнула:

— Ах ты, бедовая женщина! Голодная до смерти обжора! Кто тебя просил? Совсем с ума сошла?! Разве можно лезть туда, где волки водятся?! Не боишься, что вернётся этот мясник и зарежет твоего мужа, как скотину?!

Ли Эр-нян вздрогнула, побледнела от страха, но обиженно пробормотала:

— Мама, ведь я же не себе одной взяла — Э-эрлан, Сан-лан, девчонки наши, все же вместе едим. И вообще, это ведь фулан мясника сам пришёл меняться, я же не воровала. Почему вы на меня кричите, будто я в чём виновата?

— Ты мне ещё возражаешь?! — свекровь как вспыхнула, так и шагнула вперёд, готовая, кажется, уже распустить руки.

— Что случилось, мама? — встревожился старший сын, выбежал из комнаты, услышав ругань. Испугался, как бы мать в гневе не налетела на невестку с кулаками.

— Что случилось?! — свекровь яростно ткнула пальцем в Ли Эр-нян. — Да эта губительница решила по лёгкой цене мясо у мясника выторговать! Совсем жить надоело? Да если он решит, что его обманули, он к нам во двор придёт с топором! Она если хочет сгубить себя — пусть, только пусть нашу семью не тащит за собой в могилу!

Чжан-далан поспешно вмешался:

— Мама, не сердись, я сам с ней поговорю. Сейчас всё обратно отнесём.

Он бросил жене выразительный взгляд, и Ли Эр-нян поняла его с полуслова. С глазами, полными слёз, она прошептала:

— Далан, я ведь уже договорилась с фуланом мясника. А если теперь не обменяем — они с мужем только поженились, вдруг он у него на ушко шепнёт, поддаст огоньку под настроение... не ровен час, мясник затаит обиду на нас!

Старуха взвилась вновь, да так, что чуть не задохнулась от гнева, обрушив на невестку новый поток ругани. Ли Эр-нян, не выдержав, заплакала.

Чжан-далан, любивший свою жену, не смог этого стерпеть и сказал:

— Ничего страшного. Еду пока оставим у себя. Вечером, если мясник сам не придёт — значит, не обиделся, и дело с концом. А придёт — объяснимся, всё вернём. Раз уж Эр-нян пообещала, теперь отказать — точно навлечём беду.

Старуха мрачно зыркнула на заплаканную невестку, тяжело хмыкнула:

— Ну пусть будет так. Только смотри мне — чтобы ни зерна не недодали!

Ли Эр-нян, боясь навлечь беду, выдала щедро — две шэна муки и одиннадцать яиц. Это даже немного больше, чем было бы справедливо, но в её глазах лучше перестраховаться, чем потом умыться кровью.

Тан Шоу, увидев, сколько ему дали, тут же начал благодарить, с радостью развернулся, чтобы идти обратно — и в тот самый момент, повернув голову, нос к носу столкнулся с Сюн Чжуаншанем.

Тот стоял с мрачным, перекошенным от гнева лицом, вся фигура источала ту самую зловещую, пропитанную кровью ярость, от которой у Тан Шоу по спине побежал холодок. Он мгновенно понял: Сюн Чжуаншань опять решил, будто он сбегает. И знал — в этом состоянии мясник и слушать ничего не станет, не даст объясниться.

Не раздумывая, Тан Шоу рефлекторно рванул прочь — попытался убежать, чем окончательно довёл Сюн Чжуаншаня до белого каления.

Тот, как взбешённый медведь, взревел, шагнул вперёд и в одно мгновение настиг его, будто бы не человека, а цыплёнка подхватил за шкуру — и легко, с пугающей уверенностью, взвалил себе на плечо.

Сюн Чжуаншань занёс Тан Шоу, точно птенца, домой и с силой швырнул обратно на изношенный соломенный мат. Деревянная кровать жалобно заскрипела, как будто вот-вот развалится, сопротивляясь в последний раз.

Он, цепляясь руками и ногами, только собрался отползти, но не успел и пару движений сделать, как мясник всем телом навалился сверху. Тан Шоу сразу почувствовал, будто его придавили горой Усин — воздуха не хватало, дышать стало трудно. Не давая опомниться, Сюн Чжуаншань наклонился, и жадно, беспорядочно начал целовать, скорее подавлять.

Тан Шоу был и в ярости, и в панике. Он из последних сил колотил кулаками по широкой груди Сюн Чжуаншаня, но удары были настолько слабыми, что скорее напоминали лёгкие поглаживания — на него это действовало, как своего рода подзадоривание.

В два счёта мясник сорвал с него всю одежду дочиста, навис с мрачным, угрожающим лицом и процедил:

— Сбежать хочешь? Ни за что! Живым ты мой человек, мёртвым — мой призрак. В этой жизни ты — только мой фулан!

Когда же Сюн Чжуаншань, наконец, утолил свою ярость, Тан Шоу остался лежать, не в силах пошевелиться, с ощущением, будто только что улизнул из самой пасти короля Яма.

Он и до того был голоден, а после всех этих «качелей» — так проголодался, что казалось, мог бы в одиночку слопать целого быка. Живот урчал, не затыкаясь.

Сюн Чжуаншань, полностью удовлетворённый, как сытое чудовище, наконец освободил его из своего железного объятия и лениво, с явным удовольствием спросил:

— Проголодался? Сейчас разогрею тебе поесть.

Как только Тан Шоу вспомнил о тех размазанных в воде мясных объедках из-под очага, ему стало нехорошо, и он поспешно отказался:

— Я не буду есть эти вчерашние остатки.

Неожиданно Сюн Чжуаншань отреагировал почти спокойно:

— Тогда что ты хочешь поесть?

И вот тут Тан Шоу снова закипел от злости — сейчас спрашивает, а раньше, когда он только открыл рот, не дал сказать ни слова, сразу полез целоваться и наседать, будто и не человек вовсе.

Он буркнул раздражённо:

— Я, между прочим, хотел сделать лапшу с подливой! Специально пошёл к соседям менять муку и яйца, а ты, как одержимый, налетел — теперь всё рассыпано по земле, яйца разбиты, муки ни щепотки! Что мне теперь есть?!

Рука, обвивавшая его талию, вдруг сжалась, будто железные тиски. Измотанная, болезненно затёкшая спина отозвалась резкой болью, и Тан Шоу, не выдержав, вскрикнул:

— Ай! Больно! Спину сломаешь, идиот!

Он изо всех сил стал стучать по огромной ладони мясника — тот сжимал его так, будто хотел выдавить душу.

Сюн Чжуаншань чуть ослабил хватку, но не отпустил, продолжая крепко удерживать в объятиях, не позволяя ему вывернуться.

— Ты... ты ведь правда не сбежать хотел? Только за продуктами пошёл? — его голос стал тише, но в нём всё ещё слышалась подозрительность.

— Ну конечно! — огрызнулся Тан Шоу. — Ты вообще видел, чтобы кто-то убегал из дома с мешком муки и десятком сырых яиц?! Я тебе не мышь, чтобы грызть сырые зерна! Уж не говорю о том, что их есть в сыром виде вообще невозможно.

Но Сюн Чжуаншань на упрёк не обиделся, наоборот — на лице его впервые за день промелькнула тень улыбки. Он ослабил мёртвую хватку.

— Раз ты так хочешь поесть — я сейчас схожу и снова всё обменяю.

Сказал — и тут же, без промедления, начал одеваться: три движения — и уже одет, ещё два — и за порогом.

Тан Шоу только фыркнул ему вслед: да, сложен как медведь, но двигается с неожиданной лёгкостью.

Он попытался подняться сам, держась за большую поясницу, но после пары попыток снова рухнул обратно, корча гримасы от боли. И именно в таком виде Сюн Чжуаншань его и застал, когда вернулся с новыми продуктами, — всё ещё лежащего, скривившись от дискомфорта.

У мясника на душе разлилась теплая, почти ликующая удовлетворённость. Он даже испытал гордость: всё-таки только я, Сюн Чжуаншань, смог оприходовать новоиспечённого фулана так, что тот и на следующий день подняться не может — во всей деревне такого ни у кого нет!

— Фулан, дай я тебе спинку помассирую, — произнёс он с нахальной улыбкой, подойдя

поближе.

Те самые широкие, крепкие ладони опустились на поясницу Тан Шоу и слегка надавили. От боли тот тут же завопил:

— Ай! Полегче! Убить решил?!

— Хорошо, — послушно ответил Сюн Чжуаншань. Он перевёл взгляд с собственных лопат на тонкую, хрупкую талию супруга и понял, что обеими руками мог бы её обхватить полностью. Стоило чуть сильнее сжать — и, пожалуй, можно было бы сломать... От этой мысли ему стало ещё тревожнее — и он стал гладить едва касаясь, настолько бережно, что по его меркам это было уже почти как поглаживание кошки.

Тан Шоу, похоже, остался доволен — начал тихо постанывать от облегчения, и эти звуки вмиг разбудили в Сюн Чжуаншане желание. Но он, взглянув на тощего, измученного шуаньэра, всё же сдержался.

Он боялся, что если сейчас снова к нему полезет — тот просто испугается и больше даже в объятия не даст себя взять. Вот так он и остался в рамках приличий, честно домассировав до конца — как порядочный муж.

Если бы Тан Шоу пришлось питаться только тем, что готовит Сюн Чжуаншань — он бы уже давно умер с голоду. Не то чтобы мясник не умел готовить, скорее, у него был особый, «помужски» прямолинейный подход: что угодно бросить в воду, слегка поварить — и еда готова. Кипит ли вода, сварилось ли мясо — всё это неважно, лишь бы «жевалось».

Когда Тан Шоу только попал в этот мир, Сюн Чжуаншань однажды решил его накормить. Приготовил мясо, в котором ещё алели кровавые прожилки. Он даже не успел поднести кусок к губам Тан Шоу — только приблизил к носу, как от запаха сырого мяса того вывернуло. С тех пор Сюн Чжуаншань осознал: сам он, конечно, человек простой, но для нового супруга лучше пригласить кого-то готовить, чтобы не погубить его окончательно.

Прошёл почти час. Поддерживаемый Сюн Чжуаншанем, Тан Шоу с трудом добрался до кухни. И надо сказать, кухня у мясника была неожиданно чистая — чище, чем жилые комнаты. Впрочем, объяснение было простое: тут почти нечему было пылиться. Из всего — только глиняный горшок для варки еды и один-единственный нож. Всё.

— Где разделочная доска? Где скалка? — с подозрением спросил Тан Шоу.

Но Сюн Чжуаншань был простым мужиком. Для него вся еда делилась на «можно варить» и «можно не варить». А что там разделывать, раскатывать — до него не доходило. До того, как

прежний обитатель тела оказался в этом доме, ни о какой кухонной утвари речи и не шло. Да и прежний Тан Шоу тоже не готовил ничего сложнее каши — ему было достаточно сытости, а не вкуса. Так что вещей, без которых любое нормальное хозяйство даже дня бы не протянуло, тут просто не было.

Тан Шоу тяжело вздохнул:

— Ладно, иди к соседям, одолжи на время. А потом, как будет свободная минутка — сам и сделаешь.

В деревне жили бедно, экономно. Никаких покупок — всё, что нужно в быту, делали своими руками: мужчины сами строгали, тесали, пилили, да и вовсе были людьми сметливыми и трудолюбивыми. Так что кухонную утварь тут тоже не в лавке покупали, а в сарае мастерили.

Скоро Сюн Чжуаншань вернулся, притащив и разделочную доску, и скалку. В эпоху Юй ещё не было привычных высоким столов, пользовались низкими. Но у такого грубого, необустроенного человека, как Сюн Чжуаншань, даже низкого стола не нашлось, так что Тан Шоу пришлось уложить доску прямо на плиту и замешивать тесто там, где обычно кипят еду.

В доме больше не было никаких припасов, так что он решил приготовить лапшу с омлетом. Муку Сюн Чжуаншань перемалывал сам, причём аккуратно: отбирал чистую, мелкого помола — и отдельно оставлял грубую, с отрубями, которую уже никак не просеешь. Сейчас Тан Шоу взял тонкую муку и стал замешивать лапшу.

Чтобы тесто получилось тугим и упругим, нужно было долго и тщательно его вымешивать. Он промял всего пару раз — и спина тут же отозвалась острой болью. Тогда он бросил косой взгляд на Сюн Чжуаншаня, и, едва подманив пальцем, тот тут же подскочил, как щенок на зов.

— Меси тесто, — бросил Тан Шоу.

— А? А, хорошо, — замотал головой мясник.

Руки у него были что надо — сильные, хваткие. Но месить тесто он не умел от слова совсем.

— Не так! — завопил Тан Шоу, хлопая по доске. — Да не так! Ты не душишь врага, ты месишь тесто! Запомни — усилие идёт от запястья, не от всей руки! И полегче, это же тесто, а не преступник на допросе!

Сюн Чжуаншань, несмотря на окрики и брань, не сердился. Более того — в его тёмных глазах даже плясала улыбка.

Он в четырнадцать лет ушёл на войну, пробыл в армии десять лет, и только в двадцать четыре вернулся обратно в деревню. С тех пор жил один. Ни друзей, ни собеседников, ни даже простой

душевной болтовни. Возвращался в дом — а там только тишина и сырость. Бойня и годы битв сделали его характер твёрдым и резким. Разговор с деревенскими редко доходил до третьей фразы — стоило ему зыркнуть глазами, как люди бледнели, отступали, старались держаться подальше. Он не настаивал — и так провёл четыре года в одиночестве.

И вот теперь в его доме поселился тот, кого он давно хотел — маленький, колкий, ворчливый, но такой живой шуаньэр. Где прежде у него не было ни капли терпения, сейчас — он будто растаял. Даже когда тот вставал бочком, скрестив руки на груди, и начинал его отчитывать — ему казалось, что нет на свете зрелища милее.

Тесто наконец было вымешано как следует. Тан Шоу забрал его обратно и ловко раскатал в три ровных, больших лепёшки, а потом ножом нарезал на одинаковые по толщине лапшины.

Раньше, пока он болел, Сюн Чжуаншань звал к ним свою мать, чтобы та готовила. Так что сам Тан Шоу к кухне и ножу почти не притрагивался. Сейчас, встав за приготовление впервые, он только теперь заметил, что в доме для готовки используют всего лишь один большой глиняный горшок.

— А где у нас сковорода? — спросил он, недоумённо оглядываясь.

— Сковорода?.. Ты про железную, что ли? — нахмурился Сюн Чжуаншань.

— Ну да, — кивнул Тан Шоу, будто это само собой разумеется.

И тут у Сюн Чжуаншаня что-то внутри дрогнуло. В эпоху Юй железо было в дефиците, стоило дорого, и потому ни в деревнях, ни даже в городе его почти не использовали в быту. Все готовили в глиняных горшках. В их деревне уж точно никто не мог себе позволить железную посуду. А Тан Шоу говорил о ней так буднично, так естественно, словно в его доме с детства варили и жарили в железной утвари.

Неужели он действительно родом из какого-то знатного дома? — вдруг подумал Сюн Чжуаншань. Может, и вправду был украден и случайно оказался здесь, в этой бедной деревушке? Если так, то... как мне удержать его рядом?

Он же до сих пор ничего не знал о прошлом Тан Шоу. Не потому, что тот скрывал — просто стоило прежнему обитателю тела открыть рот, как он встречал мрачный, зловецкий взгляд мясника, и все слова застревали в горле. Вот и вышло, что Сюн Чжуаншань и сам решил: его супруг — несчастный, похищенный шуаньэр. Так думали и все в деревне.

Сюн Чжуаншань опустил глаза, пряча вдруг всколыхнувшуюся тревогу и вихрь мыслей:

— Завтра поеду в город, куплю тебе сковороду.

Железная сковорода стоила дорого, не меньше двух гуаней — это целое состояние для простой деревенской семьи. Но если Тан Шоу просит, он добудет. Нет денег — заработает. А уж если сейчас в доме есть кое-какие сбережения — то хватит точно.

Тан Шоу ничего не заметил. Он и не подумал, что этим самым обыденным вопросом всколыхнул в Сюн Чжуаншане целую бурю. Поскольку дома не было сковороды, он не мог готовить, ведь глиняный горшок не выдержит высоких температур от масла — лопнет вмиг.

<http://bllate.org/book/13592/1205335>